

ном неведении того, что мы, собственно, имеем перед собой: выпуск словаря от *a* до *azz'* (в словаре — статья 100) или что-то другое.

В силу упомянутых причин (гнездовой порядок расположения материала) слова разыскивать очень трудно. Мы согласны с тем, что польск. *ko-jarzyć* 'соединять' родственно слову *ярмо*, но получается, что читатель, который обращается к труду Садник и Айдемюлера за объяснением этого слова, должен прежде знать его этимологию, иначе ему трудно догадаться, что *kojarzyć* содержитсѧ именно в первом выпуске, в числе форм с основой **ar-*. Еще хуже с заимствованиями. Польск. *heban* 'ебеновое дерево' надо будет искать не на *h*-, а на *a*-, под болг. *абанбъ*. Едва ли кто-нибудь станет возражать, что в вопросе заимствований, особенно поздних заимствований, гнездовой принцип статей утрачивает всякий смысл. Не менее трудно будет отыскать и русск. *эбён*.

Рано судить по небольшому первому выпуску обо всем словаре, но мы поэтому и старались задержать внимание читателя на более общих моментах, не углубляясь в этимологию. Можно лишь сказать, что отмеченные выше особенности нельзя считать преимуществами нового словаря. Вместе с тем нужно отметить, что авторы вложили много труда в эту по-своему оригинальную работу и в любом случае эта новая публикация окажется небесполезной для науки. Если далеко не во всех случаях авторы проявляют самостоятельность в этимологическом анализе, то наряду с этим мы встречаем здесь полезные критические уточнения и свежие суждения об отдельных формах (ср. о с.-хорв. *vinjaga* на стр. 12), за что они вполне заслуживают на благодарность этимологов. Несомненным свидетельством большой проделанной работы служит список литературы и сокращений, охватывающий огромное количество названий, которые, однако, не все приведены точно. Отметим, что составителем хрестоматии «Altpolnische Sprachdenknäler» был полонист Владислав Неринг, который здесь фигурирует ошибочно как A. Nehring, после чего в списке следует уже подлинный A. Nehring, известный индоевропеист. Словарь Вальде и Гофмана вышел в 1938 и 1954 гг., а не 1938 и 1956, как значится в списке. Для «Archivum Europaæ Centro-Orientalis» в литературе принято сокращение АЕСО, а не Arch. СЕО. Дювернуа, Словарь болгарского языка приводится в списке дважды — один раз как *Djuverniua*, второй раз — *Duvernois*. С другой стороны, наряду с работами Кестнера и Корбута о немецких заимствованиях в польском, подозрено бы было в этом детальном перечне отметить и книгу Лепека Мошинского о немецких словах в древнепольском. Сборник памяти Романского правильнее было бы называть по-немецки *Gedenkschrift Romanski*, а не *Festschr. Romanski*. В остальном число опечаток и технических погрешностей как будто минимально.

Будем теперь ждать продолжения этого словаря.

O. N. Трубачев

В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентационных парадигм. М., Изд-во АН СССР, 1963, 179 стр. + 1 карта

В рецензируемой монографии исследуются наиболее трудные проблемы индоевропейской акцентологии: вопрос об отношении индоевропейского окситонированно-подвижного и баритонированного ударения к четырем балтийским и трем славянским акцентным парадигмам и вопрос о происхождении балто-славянских интонаций. Решение этих проблем дает на-

дежное основание для построения индоевропейской акцентологии и существенно расширяет возможности этимологических исследований. Первостепенное значение для построения балто-славянской акцентологии имеет открытие В. М. Иличем-Свитычем тождества славянской окситонированной акцентной парадигмы и балтийской баритонированной акцентной парадигмы. Наряду с доказательством генетического тождества подвижного славянского и балтийского ударения в работах Хр. Станга и В. А. Дыбо¹, а также установлением дополнительного распределения славянского баритонированного и окситонированного ударения в работах В. А. Дыбо² указанное открытие В. М. Илича-Свитыча является основой для построения сравнительно-исторической славянской акцентологии.

Рецензируемая монография состоит из введения и двух глав (частей). В первой части исследуются индоевропейские акцентуационные парадигмы в балтийском, во второй части — индоевропейские акцентуационные парадигмы в славянском. Книга снабжена списком сокращений названий языков и использованной литературы, указателем слов и названий литовских населенных пунктов, упомянутых в исследовании, и картой — указателем литовских населенных пунктов. Таким образом, монография является подробным и тщательно выполненным исследованием отражения индоевропейского ударения в балтийских и славянских языках.

Во введении автор определяет метод исследования. Нельзя не согласиться с выдвинутым В. М. Иличем-Свитычем положением о том, что недостаточно простого сопоставления систем, так как неясно, какие преобразования произошли в этих системах. Необходимо сопоставлять акцентуацию отдельных имен, восходящих к индоевропейским образованиям, с тем, чтобы имела место идентичность не только корней, но и именных основ. Сопоставления В. М. Илича-Свитыча опираются на очень точные этимологии. В ряде случаев автор существенно дополняет или исправляет известные в науке этимологии, ср. замечания об этимологии слов. **kosā* (стр. 104), лит. *käklas* 'шёл' < *kok̥lōt* (стр. 50) и др. Дополненное внутренней реконструкцией, такое внешнее сравнение балтийских и славянских имен с индоевропейскими дает надежное основание для решения проблемы о связи балто-славянского ударения с ударением других индоевропейских языков.

Очень важным условием успеха исследования является в рецензируемой монографии морфонологическая трактовка ударения. Выявление в балтийском и славянском акцентных парадигм и их дополнительного распределения позволяет осуществить внутреннюю реконструкцию балтийской и славянской именной акцентуации.

До сих пор внешнему сравнению славянской и балтийской акцентуации с индоевропейским ударением препятствовали, казалось бы, несводимые расхождения между славянским и балтийским ударением, а также между акцентуацией в балто-славянском и ударением в других индоевропейских языках.

Известно, что славянскому колонному ударению на окончании в литовском соответствует подвижное ударение (2-я акцентная парадигма), ср. серб. диал. *balxā*, *balxī*, *balxē*, укр. диал. *блихá*, *блихú*, *блихі*, русск. *блохá*, *блохú* (*блóхи*) < слав. *blъxā* (*blъxō*), литов. *blusā* < **bhlūsā*. Отмечаемое в русском языке предконечное ударение во мн. числе вторично: еще в XVII в., как свидетельствуют акцентированные памятники, в словах указанного акцентного типа сохранялось ударение на окончании во мн.

¹ Chr. S. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957; В. А. Дыбо. О древнейшей метатонии в славянском глаголе. — ВЯ 1958, № 6, стр. 55 и сл.

² В. А. Дыбо. [Рецензия на книгу] Chr. S. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957. — «Структурно-типовидные исследования». М., 1962, стр. 220 и сл.

числе³. Это противоречие порождало бесконечные споры. Многие исследователи полагали, что славянская окситонеза первична и утрачена литовским⁴. Отождествление славянской окситонезы с 2-й литовской акцентной парадигмой позволило В. М. Илличу-Свитычу рассматривать славянскую окситонию как вторичное явление, как результат дополнительного распределения баритонированного ударения, при котором ударение помещается на корне (ср. русск. *корбва*, *лýпа*), если корневой гласный долгий (в этом случае интонация корневого гласного акут), а если гласный краткий, ударение помещается на тематическом гласном, ср. русск. *женá*, *-ý*, мн. (в памятниках XVII в.) *женéй*, *-ám* и др. Принципиальное отличие индоевропейской окситонии состоит в том, что акцентуация не зависит от количества корневого гласного. Справедливость теории В. М. Иллича-Свитыча подтверждается наличием подобного дополнительного распределения в славянских глаголах⁵. Таким образом, система из трех парадигм в славянском сводится к первоначальным двум парадигмам.

На огромном материале автор проверяет и подтверждает гипотезу Хр. Стanga и В. А. Дыбо о тождестве славянского подвижного ударения и 3-й акцентной парадигмы в литовском. Благодаря этому славянская система из трех акцентных парадигм и балтийская система из четырех акцентных парадигм сводятся к первоначальным двум акцентным парадигмам. Так как другие индоевропейские языки знают лишь две акцентные парадигмы — баритонированную и окситонированную или баритонированную и подвижную, становится возможным внешнее сравнение славянской и балтийской акцентуации с индоевропейской.

Однако на пути внешнего сравнения остается последнее препятствие: именам с неапофонической долготой в корне и баритонезой в балтийском и славянском соответствует окситония в индоевропейском (так называемый закон Хирта—Микколы), ср. серб. *dúg*, др.-инд. *dīrgñāḥ* 'длинный' и др.⁶

Однако эта баритонеза, как показал В. А. Дыбо, является общей не только балто-славянскому, но и кельто-итальянским языкам⁷. Таким образом, балто-славянская баритонеза в указанных именах с неапофонической долготой гласного в корне соотносима с баритонезой в некоторых индоевропейских диалектах. В. М. Иллич-Свитыч принимает теорию В. А. Дыбо и показывает ее справедливость на обширном материале славянских и балтийских языков.

Дальнейшим шагом по пути отождествления рассматриваемой баритонезы с индоевропейской является гипотеза о ее связи с баритонезой, которая отмечается в древнейших частях Ригведы в словах данной группы, входящих в качестве второго члена в сложения типа *bahvṛiḥi* с переносом ударения по правилу Вакернагеля; ср. др.-инд. *tuvigrīvās* при *grīvā* и др.⁸ Благодаря этому явления, относящиеся к действию закона Хирта—Микколы, следует рассматривать как общеиндоевропейские.

Монография В. М. Иллича-Свитыча по-новому представляет относительную хронологию изменений, происходивших в балтийских и славян-

³ Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 59—60.

⁴ Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 60; A. Meillet. Sur l'accentuation des noms en indo-européen. — MSL XIX, 1914, стр. 64 и сл.

⁵ Ср.: В. А. Дыбо. Указ. соч.; его же. [Рец. на кн.:] L. Sadnik. Slavische Akzentuation. — ВЯ 1960, № 6, стр. 116—119.

⁶ См.: H. Högl. Akzenstudien. — IF 10, стр. 54.

⁷ В. А. Дыбо. Сокращение долгот в кельто-итальянских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. — ВСЯ 1960, вып. 5, стр. 9 и сл.

⁸ Ср.: В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыч. К истории славянской системы акцентационных парадигм. В кн.: «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)». М., 1963, стр. 86—87.

ских языках. Древнейшее изменение — развитие баритонезы по закону Хирта—Микколы, далее в балтийском произошла модификация 2-й и 4-й акцентных парадигм по закону де Сосюра, затем — дополнительное распределение славянской баритонезы на тип с ударением на тематическом гласном и краткостью корневого гласного и, ваконец, — метатония в славянских именах, соответствующих 3-й акцентной парадигме в литовском.

Исследование В. М. Иллича-Свитыча об ударении в балтийском и славянском существенно изменяет наши представления о значении греческого и древнеиндийского языков для реконструкции индоевропейского ударения. Если А. Мейе и Хр. Станг пытались перенести на индоевропейский язык троиственное деление акцентных парадигм, свойственное славянскому⁹, а Е. Курилович выводил особенности индоевропейского ударения из древнеиндийского¹⁰, то рецензируемая монография позволяет трезво оценить те инновации, которые возникли в балтийском и других диалектах индоевропейского языка, предположить наличие существенных новообразований в древнеиндийском и греческом ударении.

Не могут не восхитить тонкость и изящество, с которыми в монографии анализируется материал. Методология монографии — морфонологическая трактовка ударения, приемы внутренней реконструкции и внешнего сравнения, соотношение этих приемов в процессе исследования — имеет важное значение для общего и сравнительно-исторического языкознания.

Книга В. М. Иллича-Свитыча является значительным событием в современной лингвистике и будет необходима для специалистов по акцентологии, этимологии, общему и сравнительно-историческому языкознанию.

B. A. Редькин

F. Bezla j. Etimološki slovar slovenskega jezika.
Poskusni zvezek. Ljubljana, 1963, 28 стр.

Словенский языковед проф. Франце Безлай, более известный своими трудами из области славянской и словенской топонимии и гидронимии (ср. в первую очередь его двухтомник «Slovenska vodna imena», I—II. Ljubljana, 1956, 1961), работает над этимологическим словарем словенского языка.

Важность создания словенского этимологического словаря не нуждается в подтверждении. То, что этот чрезвычайно интересный язык со сложными диалектными отношениями и самобытным словарным составом до сих пор не имеет этимологического словаря, придает замыслу Ф. Безлай особую актуальность.

Предварительные итоги своей работы над словарем Безлай сообщает в форме небольшого пробного выпуска, который состоит из предисловия автора и избранных пробных словарных статей на разные буквы алфавита. Из предисловия мы узнаем, что около двадцати лет назад работу над этой темой начинал Ф. Рамовш, ранняя смерть которого помешала осуществлению его планов. Различные трудности при подготовке нового словаря заставили отказаться от самостоятельных разысканий словенской старой и диалектной лексики и ограничиться расписыванием существующей специальной литературы. Вместе с тем ставится задача написать по возможности исчерпывающие документированный этимологический словарь, который удовлетворил бы потребности специалистов. Составитель

⁹ A. Meillet. Указ. соч.; Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 173 и сл.

¹⁰ J. Kurylewicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Ed. 2. Wrocław—Kraków, 1958.